

ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА В ПРАГЕ О РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЕ НА ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В 1920–1921 ГГ.

ЮРИЙ ДАНИЛЕЦ

В начале XX в. в Закарпатье, которое находилось под властью Австро-Венгрии, начался процесс возрождения православной церкви. Венгерское правительство применило против православных репрессии, обвиняя последних в политической деятельности в пользу царской России. После развала «лоскутной империи» данная территория под названием Подкарпатская Русь вошла в состав Чехословакии (далее – ЧСР) на правах автономии (1919 г.). Пражское правительство отстаивало демократические принципы в церковных отношениях, что способствовало расширению православно-го движения. Большинство приходов и монастырей в 1921–1945-х гг. юрисдикционно подпадали под власть Сербской православной церкви, которая сначала управляла общинами через епископов-делегатов, а после до 1931 г. создала Мукачево-Пряшевскую православную епархию. Первым делегатом был епископ Нишский Досифей (Васич), который управлял с 1921 г. по 1926 г. Незначительное количество приходов признавали юрисдикцию Пражского архиепископа Савватия (Врабец). Создание православных парафий вызвало конфликты в отдельных населенных пунктах, которое переросло в противостояние между греко-католиками и православными крестьянами. Вражда на религиозной почве внесла раскол в тогдашнее общество.¹

С согласия государств Антанты чехословацкие войска 12 января 1919 г. вошли в Ужгород. 16 апреля 1919 г. румынские, а 23 апреля и чехословацкие воинские части возобновили продвижение в Закарпатье. К началу мая они заняли всю территорию края. Таким образом, западная часть Подкарпатской Руси оказалась под властью Чехословакии, а восточная – Румынии. 6 июня 1919 г. французский генерал Эдмон Еннок ввел военную

1 Данилець, Юрій: Міжконфесійне протистояння греко-католиків і православних на початку 1920-х рр. (на прикладі населених пунктів Хустського округу Підкарпатської Русі). In: Труды КДА, 2020, №33, с. 212–232.

администрацию в Закарпатье, которая просуществовала до конца 1922 г. – начала 1923 г.² 29 июля 1919 г. в Ужгород приехал Ян Брейха с задачей организовать Гражданское управление. 20 августа он занял место управляющего гражданской администрации края.³ 26 апреля 1920 г. была введена должность временного губернатора и вице-губернатора, которые заменили директорию и администратора.⁴ Румынские войска оставили захваченную территорию только после Трианонского договора (4 июня 1920 г.). С этого времени история Подкарпатской Руси (Закарпатья) была тесно повязана с Прагой.

Необходимо отметить, что чешское правительство унаследовало проблемы в конфессиональном вопросе на Подкарпатской Руси от своих предшественников. Например, 5 января 1919 г. Венгерское революционное правительство разрешило православным с. Иза Мараморошской жупы «войти в греко-католическую церковь и по-своему в ней служить...», а также пользоваться всем церковным имуществом «до особого распоряжения».⁵ Венгерские коммунисты, которые свергли правительство Мигая Карои, также не препятствовали развитию православия. В начале апреля 1919 г. народный комиссар Русской Краины⁶ Агоштон Штефан передал в пользование православным крестьянам храмы в сёлах Горинчово и Монастырец возле Хуста. Иеромонах Сергей (Цьока) приводит выдержку из распоряжения о передаче церкви в с. Монастирец. «Ввиду того, что греко-католические жители села перешли все в греко-восточное вероисповедание, поведомляю Вас, что они могут тамошнюю греко-католическую церкву сегодняшнего дня переняти для своих вероисповедных целей и в том никто не может им препятствовать»⁷.

К концу лета – в начале осени 1920 г. православное движение получило дальнейшее распространение. В отчёте вице-губернатора Петра Эренфельда к Министерству школ и народного просвещения от 19 августа 1920 г. подано информацию о 42 населенных пунктах на Подкарпатской Руси, где

2 Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура / Під ред. М. Вегеша, Ч. Фединець. Ужгород 2010, с. 55.

3 Там само. с. 163.

4 Грін, Олександр: Правовий статус органів державного управління на Підкарпатській Русі (Закарпатті) на початковому етапі її входження до складу Чехословаччини (1919–1920 рр.). In: Електронне наукове видання «Порівняльно-аналітичне право», 2014, № 5, с. 19.

5 Сергей (Цьока), иеромонах: Православие и иноческая жизнь в Закарпатье в первой половине XX столетия. Липча 2013, с. 180.

6 Русская Краина (чеськ. Ruská Krajina) – автономная административная единица, которая существовала на территории современной Закарпатской области Украины с 25 декабря 1918 г. по май 1919 г.

7 Сергей (Цьока), иеромонах. Указ. сочин., с. 182.

были зафиксированы православные общины. П. Эренфельд выделял 9 сел, которые вообще остались без греко-католических священников и наводил статистические данные количества греко-католиков в процентах. Все указанные населенные пункты относились к Хустскому и Тячевскому округам. В частности, в с. Иза греко-католиков осталось всего 10%, Горинчево и Кошельово – 20%, Нанково, Нижнее Селище, Липча – 30%, Нижний Быстрый – 50%. В отчете фигурируют имена 3 иеромонахов – Алексея (Кабалюка), Матфея (Вакарова), Амфилохия (Кеминя) и священника Георгия Плиски из с. Горинчево, которых вице-губернатор обвинял в распространении православия в регионе.⁸

Чехословацкое правительство в первые годы своего правления на Подкарпатской Руси не вмешивалось в имущественные конфликты конфессий. Чиновники разного уровня постоянно сообщали в Прагу, что движение имеет национальный и религиозный характер. Захват храмов и выселение греко-католических священников объяснялось иногда старыми обидами, желанием отомстить за унижения во времена венгерского режима, тотальной мадьяризации и тому подобное. С нашей точки зрения, ситуацию могло стабилизировать немедленное введение на Подкарпатской Руси нового законодательства, которое бы давало возможность законно приобретать имущество верующими в тех селах, где об изменении церковной принадлежности заявляло абсолютное большинство. Однако, Прага медлила и тем самым провоцировала православных к самовольным шагам, которые трактовались судебными органами как противозаконные. Можно предположить, что правительство действовало планомерно, желая руками православных разрушить монополию греко-католической епархии, считая последнюю антигосударственной и провенгерской.

Не нужно списывать со счетов также и слабую юридическую образованность большинства населения Подкарпатской Руси в то время. Крестьяне не понимали и не хотели осознавать тот факт, что храм, который они построили собственными руками, в случае их перехода в православие уже не является их собственностью. И это даже в тех населенных пунктах, например, с. Горинчево, Иза, Кошельово, Нанково и т.д., где в православную церковь перешло абсолютное большинство населения. Реальным выходом из ситуации, на наш взгляд, могло быть разделение имущества и выделение для православной общины помещения церковной или государственной школы. Именно такие варианты локализации противостояния в селах предлагали жандармские чиновники и начальники округов, например, Хустского. Одна-

8 Národní archiv (NA), fond Ministerstvo školství, Praha (MŠ), sign. 47 VII, kart. 811, 19. 8. 1920, s. 3–4.

ко, руководство Мукачевской греко-католической епархии заняло неуступчивую позицию, что привело к насильственному решению имущественных споров. Конфликты могло остановить также строительство новых храмов и разделение церковных земель. К этой мысли правительство пришло только во второй половине 1920-х гг., инициируя предоставление экономической помощи для православных.

Поставленная в названии статьи проблема недостаточно изучалась в украинской и зарубежной историографии. Религиозные конфликты если и исследовались, то в основном на скудной источниковой базе, часто носили публицистический или компилятивный характер. Самые новые публикации, в которых поднимался вопрос православного движения на Подкарпатской Руси в 1920-х гг., а также косвенно изучались межконфессиональные вопросы и т.д., принадлежат авторству Павела Марека,⁹ Владимира Буреги,¹⁰ Юрия Данильца¹¹ и других. Исключительно на материалах Национального архива в Праге написаны две наши публикации, которые были напечатаны в Румынии¹² и Чехии.¹³ Во второй статье содержится характеристика архивных фондов о деятельности сербских епископов на Подкарпатской Руси в 1920–1930 гг.

-
- 9 Marek, Pavel.: Biskup Gorazd (Pavlík) a Podkarpatská Rus. In: Наукові записки Богословсько-історичного науково-дослідного центру імені архімандрита Василя (Проніна), 2015, №4, с. 300–327; Marek, Pavel.: K dějinám pravoslavné církve na Podkarpatské Rusi v l. 1918–1938, Acta historica Neosoliensia, 19/2016, vol. 2, s. 52–77; Marek, Pavel.: «Obtížný cizinec». Vladyka srbské pravoslavné církve Dositej a meziválečné Československo (1920–1939). Olomouc 2020, 390 s.
- 10 Бурега, Владимир: Епископ Вениамин (Федченков) и православное движение в Закарпатье первой половины 1920-х годов. In: Церковь и время, 2004, № 1 (26), с. 214–271; Бурега, Володимир: Чехословацька влада та Православна Церква в Підкарпатській Русі (Закарпатській Україні) в 1920–30-ті роки. In: Труды Київської Духовної Академії, 2009, №10, с. 247–266.
- 11 Данилець, Юрій – Marek, Pavel.: О миссионерской деятельности владыки Досифея (Васича) на Подкарпатской Руси в 20-х годах XX века. In: Rocznik Teologiczny, 2019, №3, с. 445–477; Daniľec, Jurij – Marek, Pavel. Success, or Defeat? On the Orthodox Mission of the Serbian Bishop Dositheus (Vasić) in Czechoslovakia in 1920–1926. In: Kultúrne dejiny / Cultural History, 2019, №2, pp. 233–263.
- 12 Данилець, Юрій: Документи Національного архіву Чехії про релігійно-православне життя в північній Мараморощині в 1920–1930 рр. In: Румунсько-українські відносини. Історія та сучасність. Relații româno-ucrainene. Istorie și contemporaneitate. Збірник наукових праць за матеріалами ІХ Міжнародного симпозіуму «Румунсько-українські відносини: Історія та сучасність» (Сату-Маре, 8–10 березня 2019 р.). Сату-Маре – Бухарест, 2019, с. 91–100.
- 13 Данилець, Юрій: Діяльність сербських епископів на Підкарпатській Русі в 1920–1930 рр. (на матеріалах Національного архіву в Празі). In: Hubený, David (editor): Čtvrtstoletí spolu. Československo a Podkarpatská Rus. Praha 2020, s. 162–168.

Наибольшее количество архивных источников по религиозной борьбе на Подкарпатской Руси между греко-католиками и православными в начале 1920-х гг. хранится в двух фондах Национального архива в Праге. В частности, речь идет о фонде 371 – «*Ministerstvo školství, Praha*» (Министерство образования, Прага) и фонде 1082 – «*Předsednictvo ministerské rady, Praha*» (Президиум Совета Министров, Прага). Обработанные нами документы можно классифицировать по тематическому признаку. На основании анализа текста документов, мы предлагаем выделить следующие группы источников:

Отчеты, переписка, документация центральных и местных органов власти о предпосылках и ходе религиозной борьбы на Подкарпатской Руси;

Жалобы, обращения, просьбы греко-католического епископа и священников в разные инстанции по поводу конфликтов с православными;

Меморандумы, обращения, письма православного населения, с предложениями урегулирования церковного вопроса;

Документы о религиозных спорах в отдельных населенных пунктах Подкарпатской Руси.

Исследованные нами документы хронологически охватывают период 1920–1921 гг. В это время противостояние между греко-католиками и православными только начиналось, что даёт нам возможность проследить главные причины этого явления. В последующие годы борьба пошла на подъем и прекратилась только во второй половине 1920-х гг.

Формат статьи не позволяет нам охватить и проанализировать переписку всей вертикали власти на Подкарпатской Руси, которая отнесена к первой группе источников. Поэтому мы ограничимся корреспонденцией из Праги и отчётами главы Гражданского управления автономного края – вице-губернатора, а также чиновников Школьного Реферата, в ведении которого состояли церковные вопросы.

В фонде Президиум Совета Министров (далее – ПСМ) обнаружено отчёт земского школьного инспектора Тлчека в Президиум Министерства школ и народного образования от 27 апреля 1920 г., в котором обозначены причины православного движения в Подкарпатской Руси. Документ характеризует православие не только как религиозное, но как социальное и политическое явление. Тлчек подчёркивает, что верующие не хотели платить греко-католическому духовенству налоги (коблина, роковина, штола) и считали, что выход из унии избавит их от этих обязанностей. В пользу православия, за словами школьного инспектора, работала и мадяронская направленность епископа и большинства духовенства. В отчёте упоминается попытка Реферата урегулировать религиозный конфликт в с. Билки возле Иршавы, который возник на почве владения церковным имуще-

ством, храмом и кладбищем. Чиновник прогнозировал распространение православного движения в близлежащих населённых пунктах, а также в некоторых сёлах Мучачевского округа (Великие Лучки и т.д.).¹⁴

Многочисленные сигналы с округов и заинтересованность в данном вопросе Праги, заставили вице-губернатора основательно изучить религиозную ситуацию в крае. 2 августа 1920 г. Пётр Эренфельд отправил в ПСМ отчёт на восьми страницах «о ходе распространения православия на территории нынешней Подкарпатской Руси»¹⁵. Кроме сел Билки и Великие Лучки (в тогдашней Бережской жупе), вице-губернатор обращал внимание также на с. Иза возле Хуста. Через текст документа проходит мысль, что развитие православия есть продолжением процессов, которые имели начало ещё до Первой мировой войны. В этом контексте чиновник переносил часть ответственности за православное движение и возникновение религиозных конфликтов на главу Мукачевской греко-католической епархии. Епископа Антония (Паппа) П. Эренфельд считал не популярным среди населения, а его замену на «русинского патриота, которого бы любил народ», называл главной предпосылкой изменения межконфессиональной ситуации.

Заслуживает внимания копия распоряжения шефа Гражданского управления на имя Мараморошского жупана о религиозной борьбе в трёх населённых пунктах: Кричево, Данилово и Чумалево. В последнем селе крестьяне отвели 14 дней греко-католическому священнику для выселения из церковной фары. Автор документа призывал «к строжайшему расследованию дела и примерному наказанию выявленных преступников». В случае подтверждения фактов преступления, виновные подлежали аресту и доставке в прокуратуру г. Берегово. Проанализированный документ был отправлен вице-губернатором в Президиум Министерства внутренних дел (далее – МВД), а оттуда разослан в ПСМ и в Канцелярию президента республики.¹⁶

Документы из первой группы по 1921 г. относятся в основном к осенним месяцам. В сентябре 1921 г. епископ Антоний (Папп) совершил визитацию парафий на Мараморошине, которая вызвала новый виток противостояния и показала антиепископскую направленность отдельных чехословацких чиновников на Подкарпатской Руси. Мы считаем, что этот эпизод имел серьёзные последствия для развития православного движения и, соответственно, усугубил религиозный конфликт. Поэтому, считаем необходимым остановиться на нем более подробно.

14 NA, fond Předsednictvo ministerské rady, Praha (PMR), sign. 263, kart. 142, sv. 743–15, čj. 15565, 27. 4. 1920.

15 Ibidem, čj. 27725, 2. 8. 1920.

16 Ibidem, čj. 28998, 28. 9. 1920.

Можно предположить, что главная цель поездки заключалась в попытке нивелировать результаты миссии епископа Досифея (Васича), которая состоялась в августе этого же года. 20 сентября 1921 г. греко-католический архиепиеей посетил с. Тересва – центр отдельного округа. К открытому протесту работников пограничного финансового управления привел епископский слуга, одетый в венгерскую гусарскую форму, который в сопровождении епископа во время шествия из железнодорожной станции на церковную фару. В отчёте вице-губернатора перечислены имена 8 чиновников, исключительно чехов, которые были замечены в манифестации. Подытоживая информационную записку на адрес ПСМ и МВД, П. Эренфельд подчёркивал, что состоявшийся стихийный митинг невозможно было предсказать, так как никто не ожидал такой реакции от государственных служащих.¹⁷

Визит в центр другого округа – г. Хуст и с. Бороняво привёл к ещё худшему обострению ситуации. 24 сентября 1921 г. епископ приехал в Хуст, где его приветствовало около 60 детей, конный отряд (бандерия) из 30 человек и процессия из 300 верующих. Как отмечал в одном из своих отчётов вице-губернатор, ни один из чиновников города не присутствовал на встрече. На улице Масарика собралась большая толпа народа, около 600 человек, которая, во время проезда епископа, начала выкрикивать в его сторону слова: «позор», «мадярон», «прочь с мадяром» и другие. Когда один из всадников попытался разогнать протестующих, в него бросили камень. Позже, греко-католическими крестьянами был легко ранен православный верующий. Ни в первом, ни во втором случае, полиция не удалось установить имена нападавших. Вечером того же дня, неизвестными лицами были разбиты камнями окна церковной фары в Хусте.¹⁸ В связи с тем, что в город были переведены жандармы из окружающих населённых пунктов, во время литургии на следующий день не наблюдалось никаких эксцессов.

26 сентября 1921 г. епископ поехал в с. Бороняво, которое находится в нескольких километрах от Хуста. Согласно с отчётом вице-губернатора, возле василианского монастыря собралась значительное количество православных, которые выкрикивали в сторону архиепископа различные оскорбительные слова. Из-за препятствования со стороны протестующих, епископ не смог произнести проповедь после литургии.¹⁹

Обвинения против чехословацких чиновников, которые выдвигались греко-католическим духовенством и отдельными редакциями газетам, заставили власть прибегнуть к расследованию. 11 октября 1921 г. МВД издало

17 Ibidem, sign. 262, kart. 142, sv. 2, čj. 4209, 11. 10. 1921.

18 Ibidem, kart. 141, čj. 4073, 7. 10. 1921.

19 Ibidem.

распоряжение Гражданскому управлению Подкарпатской Руси немедленно выяснить имена всех лиц, принимавших участие в демонстрации против епископа. О понимании важности ситуации свидетельствует концовка распоряжения. В ней, в частности, отмечалось, что травмы с обеих сторон не должны послужить началом взаимного насилия, которое может привести к дальнейшему обострению ситуации.²⁰

Чтобы окончательно прояснить ситуацию по поводу визита в Мараморош епископа Антония, мы считаем необходимым привлечь к анализу материалы периодики и документы других архивных организаций. Они качественно дополняют фонды Национального архива. Периодика оценила визит главы греко-католиков весьма неоднозначно. Ужгородская «Наука» обвинила в организации протестов против епископа чешских жандармов и чиновников. Требуя от властей соответствующей реакции, периодическое издание, выступая от имени греко-католической церкви, грозило передать дело туда, «откуда весь цивилизованный свѣт дознаться о «братских» о «культурных» «подвигах» теперѣшной влады Республики».²¹ Мукачевский венгероязычный политический ежедневник «Kárpáti Futár», который редактировал Андрей Бродий, сообщал, что против епископа выступало несколько приезжих православных и около 20 чешских чиновников.²²

Братиславский орган аграрной партии «Slovenská politika» характеризовал миссию епископа Паппа как противогосударственную агитацию в пользу Венгрии. В одной из газетных заметок приводилось целый ряд фактов возможной поддержки епископа со стороны Венгерской партии права.²³ Редактируемые Карелом Чапеком «Lidové noviny» обвиняли венгров в поддержке религиозных распрей между греко-католиками и православными на Подкарпатской Руси. Ответственными за эти процессы газета считала «проверенного и надёжного венгра епископа Паппа в Ужгороде и многочисленных венгерских священников в стране».²⁴ Результаты духовной миссии епископа Антония в Марамороше «Lidové noviny» оценивали, как полное фиаско.²⁵

20 Ibidem, sign. 263, kart. 142, sv. 2, č. 26 022, 11. 10. 1921.

21 Коли в Боронявѣ. In: Наука, 1921, 9 октября, №40; Государственный архив Закарпатской области (далее ГАЗО), фонд 63. Гражданское управление Подкарпатской Руси, Ужгород, опись 2, дело 181, лист 113.

22 ГАЗО, ф. 29. Президия Гражданского управления Подкарпатской Руси, Ужгород, оп. 4, д. 54, л. 3.

23 Apoštolská a agitačná cesta grécko-katolíckeho biskupa Antonína Pappa. In: Slovenská politika. 1921. 6 októbra; NA, PMR, sign. 262, kart. 141.

24 Maďari štvou Slováky proti Slovákom. In: Lidové noviny, 1921, 20 října, s. 2.

25 Biskup Papp na cestách. In: Lidové noviny, 1921, 4 října, s. 2.

Газета Карела Крамаржа «*Národní listy*», которая была органом национал-демократической партии Чехословакии и сочувствовала православному движению, критиковала президента и правительство за нерешительность в отношении главы Мукачевской греко-католической епархии. Для редакции газеты – Антоний (Папп) однозначно мадярон, лицо, отказавшееся принять чехословацкое гражданство, деятель, которого ненавидят все верующие не венгерской национальности. Несмотря на эти факты, правительство «продолжает оставлять этого открытого врага Чехословакии на такой важной должности, и государственная власть Чехословакии всячески приветствует его, и делает ему незаслуженные почести и уважения». ²⁶ «*Národní listy*» считали, что «настало время, чтобы управление чехословацкими государственными органами было поручено лицам, ответственным и серьезным, кто мог бы поддерживать власть и честь государства, а не унижать его. И государство, если оно действительно хочет консолидировать республику не только на бумаге, пусть таких господ епископов и других, которые хорошо известны, отправит туда, куда положено». ²⁷

31 октября 1921 г. П. Эренфельд сообщил в Президиум МВД о результатах расследования по событиям в с. Тересва. В частности, работник почтовой канцелярии Зденек Пуш был переведен в Берегово, управляющий инспекторатом пограничной финансовой управы Карел Микан, охранники Финка, Грушка, Книтль, Странский, Гудец, Слука, Стрижавка, Машек и ассистент Крагулец, были также перемещены на другие места работы. Ко всем вышеперечисленным лицам были приняты меры дисциплинарного взыскания. ²⁸

Относительно г. Хуст и с. Бороняво, здесь ситуация была намного сложнее. Береговский почтовый инспекторат провел собственное расследование, результаты которого были высланы на рассмотрение Президиума Гражданского управления Подкарпатской Руси в Ужгороде. Обвиняемые – Эдуард Головский и Карел Пржибил, категорически отвергали выступления против епископа, при этом, не отрицая своего присутствие на мероприятии. ²⁹ К. Пржибил пояснил, что толпу возмутил ответ епископа на венгерском, когда его приветствовали на русском языке. ³⁰ Он также рассказал о епископском слуге, который был одет в гусарскую форму с венгерским триколором. Выслушав свидетелей директор инспектората не смог

26 Podařený biskup. In: *Národní listy*, 1921, 4 listopadu, s. 2.

27 Ibidem.

28 Archiv Kanceláře prezidenta republiky, Praha (Archiv KPR), fond KPR – protokol PR (Podkarpatská Rus), (1919), sign. PR 713, inv. č. 895, 31. 10. 1921.

29 ГАЗО, ф. 29, оп. 4, д. 54, л. 17–19.

30 Ibidem, л. 18.

доказать вину обвиняемых. Что касается работников финансового управления, налоговой инспекции и окружного суда, имена которых фигурируют в жалобе греко-католических верующих, то мы располагаем сведениями только о расследовании председателя суда. Он смог выяснить, что, когда процессия с епископом двигалась возле судебного здания, между участником шествия учителем Иваном Куртяком и работником суда Энгельбертом Мицаром возникла словесная перепалка. В это время все работники находились в помещении суда и смотрели за передвижением епископа из окна здания.³¹ Подытоживая отчет для Президиума судебной Табулы в Кошице, председатель окружного суда в Хусте Гостан настаивал на абсолютной невиновности своих подчиненных.³²

Итоги по данному делу подводит отчет стражмистра Врауча на адрес окружного начальника в Хусте. В документе говорится о допросе свидетелей – греко-католического декана Ивана Бокшая и церковного куратора Иосифа Величко из г. Хуст. Последние заявили, что лично никого не узнали, а жалобу подписали вместе со всеми верующими. «Центральный свидетель» И. Куртяк также не мог подтвердить свои предыдущие показания против Я. Младко, признавая, что грозил кулаком Е. Мицару.³³ Таким образом, обвинения изложены в меморандуме греко-католического духовенства от 26 сентября 1921 г. не были подтверждены.

Что касается личности И. Куртяка, то его поведение можно считать провокационным, целью которого, наверное, была компрометация чехословацких чиновников. Политическая деятельность Куртяка оценивается учеными достаточно неоднозначно. Начиная с 1920 г. он был одним из руководителей русофильской партии «Подкарпатский земледельческий союз»,³⁴ которая стояла на автономных позициях и поддерживалась провенгерскими элементами. Однако, следует признать, что главной целью деятельности И. Куртяка было возвращение Закарпатья в состав Венгрии.³⁵ Поэтому, его поведение во время визита епископа Антония (Папа) в Хуст, можно считать вполне предсказуемым.

Мы считаем, что очень важно проследить оценку последствий поездки епископа Мукачевской греко-католической епархии со стороны как местной,

31 Ibidem, л. 16.

32 Ibidem.

33 Ibidem, 21.

34 Демко, М.: Иван Куртяк. In: Подкарпатський земледельський календарь на год 1934 / составил М. Демко. Ужгород 1933, с. 37–41.

35 Поп, І.: Куртяк І. In: Енциклопедія історії та культури карпатських русинів. Ужгород 2010, с. 386.

так и центральной власти. Для окружного начальника в Хусте, это событие было не чем иным, как «провокацией и демонстрацией, которая оскорбила не только президента, но и всю республику».³⁶ В данном случае речь идет о том, что визитация епископа странно совпала с приездом на Подкарпатскую Русь президента ЧСР. В одном из протоколов допроса протестующего – чехословацкого чиновника в г. Хуст, прямо отмечалось, что «епископ намеренно покинул Ужгород до приезда нашего президента Т. Г. Масарика,³⁷ чтобы избежать поздравления главы нашего государства».³⁸

Вице-губернатор в начале октября 1921 г. высказывал опасения, что после визитации епископа Паппа православное движение приобретет еще больший размах.³⁹ Чиновники ПСМ после анализа материала, получаемого из Подкарпатской Руси, пришли к тому же выводу, который мы высказывали в начале статьи, – путешествие епископа имело главной целью ослабить влияние, оставшееся среди населения после визита владыки Досифея. «Непопулярность епископа Паппа среди населения (через его венгерскую направленность), однако, вызвала обратный эффект в местах проникновения православного движения и дало элементам, агитирующим за православие, толчок к подстрекательству народа против архиерея» – подытоживал чиновник ПСМ.⁴⁰

Документы второй группы, в основном представлены обращениями греко-католического епископа Антония (Паппа) в Совет Министров. Первое письмо на имя главы Совета было отправлено из Ужгорода 1 декабря 1920 г.⁴¹ Руководитель Мукачевской епархии определял масштабы православного движения и давал ему оценку. По его словам, «на территории

36 ГАЗО, ф. 29, оп. 4, д. 53, л. 7.

37 Сам визит Т. Г. Масарика в Ужгород состоялся 23 сентября 1921 г. За сообщением газеты «Slovensky vychod», с приветственными словами к главе ЧСР обращались, кроме жупана и вице-губернатора, представители религиозных организаций и церквей. В частности, от греко-католиков – каноник Василий Гаджега, от православной церкви: председатель Центрального православного комитета (далее – ЦПК) В. Гомичков. Кроме того, в состав православную делегацию входили: игумен Алексей (Кабалюк), о. М. Мейгеш, о. И. Илечко, И. Мондич, К. Прокоп и В. Андрашко. Такое широкое представительство, очевидно, имело целью показать Президенту лояльность и преданность со стороны православных. См.: Prezident Masaryk v Užhorode. In: Slovensky vychod, 1921, 24 septembra, s. 1; ВЪ православной делегации. In: Русский православный вѣстникъ, 1921, 12 октября, с. 7.

38 Ibidem, д. 54, л. 18.

39 NA, PMR, sign. 263, kart. 141, čj. 4073, 7. 10. 1921.

40 NA, PMR, sign. 263, kart. 141, čj. 4074, 12. 10. 1921.

41 NA, PMR, sign. 263, kart. 142, sv. 743-15, čj. 38206, 1. 12. 1920; NA, MŠ, sign. 47 I, kart. 796, čj. 274, 1. 12. 1920.

Подкарпатской Руси преследуются преобладающая греко-католическая религия, церковь и вера русского народа». «Политические и религиозные агитаторы, москвофильского, большевистского и анархистского направления, переехали к нам из-за рубежа и сейчас агитируют по сёлам, под видом национальной организации» – утверждал епископ. Архиерей считал, что агитация «против церкви, веры и духовенства» проводится и распространяется по пассивному созерцанию «представителей местной администрации, или с их разрешения, а во многих случаях, даже с одобрения». Таким образом, Антоний (Папп) фактически обвинял чехословацкую власть в содействии православному движению.

«Носителем этого преследования веры» епископ считал часть сельского населения, «которая возмутилась под влиянием недобросовестных агитаторов и завладела церковным имуществом и сооружениями». Проследивая хронологию православного движения, архиерей подмечал, «что во время венгерско-большевистской революции только в трёх приходах правовой порядок был нарушен», а за «румынской оккупации права греко-католической церкви» были полностью обеспечены. Вместе с тем, руководитель епархии критиковал правительство, утверждая, что за время «чехословацкой оккупации и администрации» 11 священников преследовались «подкупленными агитаторами». Привлекает внимание тот факт, что епископ Антоний определяет включение Подкарпатской Руси в состав ЧСР как оккупацию, что определённым образом характеризует его политические взгляды. В письме также перечислено 15 населённых пунктов, где, по словам епископа, храмы и церковное имущество «стали жертвой этого анархического движения». Ссылаясь на соответствующие параграфы закона от 1868 г., автор письма не признавал переходы в православие, подчёркивая, что верующие *de jure*, остаются греко-католиками.

В конце письма епископ выдвигал к власти три требования: 1) возвращение храмов и церковного имущества; 2) энергичное вмешательство «против террора и преследования нашей веры, священников и верующих», обеспечение по ним соблюдения законов; 3) изгнание с территории Подкарпатской Руси «москвофильских политических и религиозных агитаторов».⁴²

Подобную интонацию и содержание имеет обращение епископа к главе Совета Министров от 6 сентября 1921 г.⁴³ Его текст был результатом собрания греко-католического духовенства, которое состоялось в Ужгороде в начале месяца. Архиерей продолжал обвинять в распространении православия иностранцев, а также расквартированных чехословацких военных.

42 Ibidem.

43 NA, MŠ, sign. 47 III, kart. 3884, čj. 3453/771S, 6. 9. 1921.

Все это происходило якобы на фоне «безразличия официальных лиц, призванных соблюдать порядок и общественное спокойствие». Автор письма заявлял, что терпение греко-католического духовенства исчерпано и оно выражает протест от имени всех верующих «против агитации и аналогичного толкования религиозной свободы, а также против враждебных действий». Подчёркивая, что епархиальная администрация уже несколько раз обращалась по этому поводу к президенту республики и в Гражданское управление в Ужгороде, так и не получив никакого результата, кроме обещаний. «Смеем подчеркнуть, что наши жалобы полностью оправданы, потому что ни один закон на Подкарпатской Руси не лишает нас защиты, но все они направлены против нас, как если бы мы были объявлены вне закона» – заявлял епископ. В конце письма содержится нескрываемая угроза – обратиться с жалобой в европейскую прессу по поводу сложившейся ситуации.⁴⁴

Со стороны православных подкарпатцев также было подано несколько меморандумов центральной власти в Праге в 1920–1921 гг. В начале августа 1920 г. делегация в составе 24 человек передала президенту ЧСР, премьер-министру и министру внутренних дел первое обращение, которое было принято на общем собрании православных общин 3 августа 1920 г. в с. Иза Хустского округа Меморандум, подписанный представителями 44 православных сел, содержал следующие требования: 1) дополнить действующее венгерское законодательство временным правительственным распоряжением, обязательным для Подкарпатской Руси. Эти изменения должны включать в себя: а) упрощение перехода с одного вероисповедания в другое (чтобы было достаточно заявить о своём желании сельскому старосте через местный православный комитет); б) отмена правила заявлять о выходе священнику церкви, которую покидает верующий; в) признание создания православных общин в связи с избранием православных комитетов по определённому минимальному количеству членов; г) разрешение передавать храмы и церковное имущество православным общинам, если количество желающих выйти из греко-католической церкви составляет 75%, или возможности раздела имущества в случае меньшего количества верующих (не менее 25%).^{45, 46} Другие требования православных касались вопроса создания епархии и установления сербской юрисдикции.⁴⁷

44 Ibidem.

45 Ibidem, čj. 50 219, 3. 8. 1920.

46 NA, PMR, sign. 263, kart. 142, sv. 743-15, čj. 23 608, 3. 8. 1920.

47 Данилець, Ю.: У пошуках юрисдикції: православна церква на Закарпатті в 1918–1920 рр. In: Pravoslavný teologický zborník, Prešov, 2020, XLVI (31), s. 323–351.

Конфликт в с. Великие Лучки из-за храма и использование войска против крестьян, привёл к подготовке нового меморандума на имя президента от 8 декабря 1920 г. Этот документ сохранился в нескольких копиях в разных фондах Национального архива.⁴⁸ Во вступительной части жалобы поднимался вопрос выселения из с. Билки православного священника Луки Ольхового и снятия с работы старосты указанного населённого пункта Василия Андрашко, «всякого рода притѣсненія народа со стороны администраціи и жандармовъ..., нежелание Праги понимать потребности православных и идти им на встречу». Авторы меморандума отмечали, что православное движение «принимаетъ стихійные размѣры и что съ этимъ движениемъ слѣдуетъ серьезно считаться». Православные выдвигали несколько требований к власти, которые сводились к четырём пунктам: 1) заявление правительства о том, что вопрос православия в Подкарпатской Руси считается открытым, так как «народъ былъ... силой и тероромъ переведенъ на унію съ Римомъ и насильственно въ уніи держанъ; съ водвореніемъ настоящей вѣроисповѣдной свободы насиліе въ пользу уніи прекратилось и всякій, не признающій себе на дѣлѣ уніятомъ, имѣетъ полное право требовать, чтобы его признали формально православнымъ».⁴⁹ Для реализации предлагаемого пункта, авторы документа предлагали внести изменения в закон от 1868 г., предоставив право населению самому определять свою религиозную принадлежность.

В пункте 3 рассматривался вопрос церковного имущества, требовалось его передача в собственность церковных общин. «Всякое имущество церковное признается имуществомъ церковныхъ общинъ, а не имуществомъ церкви».⁵⁰ То есть, в данном случае речь идёт о том, что не епархиальная власть должна быть владельцем всего имущества, а именно отдельная церковная община должна иметь на него права. Таким образом, большинство требований, которые выдвигались в меморандуме, уже ранее возбуждались представителями православного населения перед правительством и президентом. Обращение было подписано представителями 55 православных сел и передано делегатами лично президенту во время аудиенции 13 декабря 1920 г.⁵¹

Представляет большой интерес меморандум ЦПК от 30 декабря 1921 г., который православные вручили Е. Бенешу во время его визита на Под-

48 NA, PMR, sign. 263, kart. 142, sv. 743-15, 8. 12. 1920; Ibidem, MŠ, sign. 47 III, kart. 3884, čj. 50 219, 8. 12. 1920; Ibidem, sign. 47 I, kart. 796, 8. 12. 1920.

49 Ibidem.

50 Ibidem.

51 В. Гомичков, И. Мондич, иеромонах Матфей (Вакаров).

карпатскую Русь. Делая исторический экскурс, авторы документа критиковали венгерскую власть и греко-католическую церковь за национальное угнетение. «Въ настоящее время можемъ смѣло утверждать, что движеніе противъ уніи приняло всенародный характеръ. Въ большинствѣ русскихъ сель Карпатской Руси народъ массами заявляетъ себя православнымъ, выгоняетъ уніатскихъ священниковъ, или же, по крайней мѣрѣ, требуетъ отъ нихъ, чтобы они отреклись отъ Рима и пошли съ народом. Но напрасно желаетъ народъ мирно, безъ шума, продѣлать весь этотъ процессъ, столь подходящий его характеру и истекающій изъ характера пережитого государственнаго переворота. Всѣ дѣйствія, направленные къ изверженію духовнаго ига, наталкиваются на буквы старыхъ мадьярскихъ законовъ и на бюрократизмъ, или-же несочувствіе примѣняющихъ ихъ органовъ. Между тѣмъ, движеніе принимаетъ всѣ большіе и большіе размѣры и народъ, наталкивающийся на искусственныя преграды, спрашиваетъ: «где-же обѣщанная намъ свобода совѣсти», ибо, въ самомъ дѣлѣ, народъ, томившійся столѣтїями въ чужой неволѣ, сбросилъ изъ себя угнетателей, въ правѣ требовать хотя бы болѣе либеральнаго толкованія и примѣненія старыхъ мадьярскихъ законовъ».⁵²

Вторая часть меморандума содержит требования, которые сводятся к 6 пунктам. Представители православных общин, кроме утверждения устава, выделения материальной помощи и возвращения бывшего греческого православного храма в Ужгороде, дополнительно требовали: «облегшенія способа регистраціи административными органами заявленій о принадлежности къ православному вѣроисповѣданію; болѣе либеральнаго законодательства о церковныхъ имуществахъ; полную свободу организаціи православныхъ на основаніи статутовъ бывшей венгерской сербской національной православной церкви».⁵³ Анализ текста документа свидетельствует о том, что члены ЦПК избрали довольно резкий тон обращения. Этот факт свидетельствует о радикализации православного движения.

В Национальном архиве хранятся сотни документов, которые характеризуют религиозные споры в отдельных населённых пунктах Подкарпатской Руси. Мы не имеем возможности анализировать все источники, так как для этого нужно значительное время и совершенно другой формат. В связи с этим, считаем необходимым перечислить села, в которых в период 1920–1921 гг. были зафиксированы религиозные конфликты. В 1920 г.: сс. Билки,⁵⁴ Великие Лучки, Заднее (сегодня – Приборжавско-

52 NA, PMR, sign. 263, kart. 142, sv. 2, čj. 17 542, 30. 12. 1921.

53 Ibidem.

54 Ibidem, sv. 743-15; Ibidem, MŠ, sign. 47 VII, kart. 811.

е).⁵⁵ В 1921 г.: сс. Великие Лучки, Горонда, Угля, Ольховцы, Широкий Луг, Кушница,⁵⁶ Буштино,⁵⁷ Нересница,⁵⁸ Салдобош (сегодня – Стеблівка), Данилово, Шандрово (сегодня – Александровка), Сокирница, Крайниково, Копашново, Бороняво.⁵⁹ Таким образом, в двух фондах Национального архива нами обнаружено источники по 17 населённых пунктах Подкарпатской Руси, где в 1920–1921 гг. наблюдалось межконфессиональное противостояние. В последующее годы количество «горячих точек» возросло в множество раз, что также возможно проследить на источниках пражских архивов.

Архивные фонды Национального архива в Праге содержат ценную информацию об межконфессиональных отношениях на Подкарпатской Руси за весь период ее пребывания в составе ЧСР. Документы дают возможность изучить эволюцию государственно-церковной политики молодого государства, оценить ее позитивы и негативы. Проанализированные источники показывают отношение греко-католиков и православных к причинам конфликта, раскрывают особенности предлагаемого урегулирования вопроса. Отчеты нотариатов, окружных начальников и вице-губернатора оценивают религиозную борьбу на микроуровне. Мы можем проследить конфликт в отдельно взятом населенном пункте, определить роль в этом процессе священников и простых крестьян или сельских чиновников. Опыт преодоления религиозных конфликтов Первой Чехословацкой республики будет ценными для современного украинского государства и формирования его политики в отношении религиозных организаций.

Стаття подготовлена при поддержке стипендии Slovak Academic Information Agency (SAIA).

55 Ibidem, PMR, sign. 263, kart. 142, sv. 743-15.

56 Ibidem.

57 Ibidem, PMR, sign. 262, kart. 141.

58 Ibidem; Ibidem, sign. 263, kart. 142, sv. 2.

59 Ibidem.

Documents of the National Archives in Prague on the religious struggle in Podkarpatska (Subcarpathian) Rus in 1920–1921

The Orthodox Church was actively reviving in Podkarpatska (Subcarpathian) Rus in the early 1920-th. The number of its believers was increasing due to the former Greek Catholics who had left the Mukachevo eparchy. A struggle arose between Greek Catholics and Orthodox Christians for temples and church property, which transformed into open conflicts. Physical violence, arson, property damage etc., were used from both sides. The Czechoslovak authorities tried to finish the religious war by various methods. First of all, they tried to reconcile the conflicting parties, to allocate premises for prayer houses and worked on changing the legislation. In the funds of the National Archives in Prague, many documents on this topic have been preserved, which make it possible to re-evaluate the causes, scale and results of the religious struggle.